

УДК 323

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЛЕГИТИМАЦИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Ивлев

THE INFLUENCE OF POLITICAL CULTURE ON THE LEGITIMACY OF LEGISLATIVE POWER IN MODERN RUSSIA

S. V. Ivlev

Политическая культура – это опосредующее звено между интересами, потребностями, нормами, социальным статусом субъектов политического процесса и их политическим поведением. Как легитимность опосредует господство и подчинение, так политическая культура опосредует сознание и поведение субъекта политики. Политическая культура содержит в себе как элементы позитивной оценки существующей политической системы, так и элементы негативной оценки. Количество позитивных ценностей определяет степень легитимности той или иной политической системы. Цель статьи проанализировать влияние политической культуры на процесс легитимации законодательной власти в современной России. Данный аспект имеет теоретическую и практическую значимость для функционирования политической системы современной России.

Political culture is the connecting link between the interests, needs, norms, and social status of the subjects of the political process and their political behaviour. As the legitimacy mediates dominance and submission, political culture mediates the consciousness and behaviour of the subject of policy. Political culture contains both the elements of positive assessment of the existing political system and the elements of negative evaluation. The number of positive values determines the degree of legitimacy of a political system. The paper aims to analyze the influence of political culture on the process of legitimating the legislative power in modern Russia. This aspect is of theoretical and practical significance for the functioning of the political system of modern Russia.

Ключевые слова: политическая культура, легитимация, законодательная власть, этатизм, раскол в обществе.

Keywords: political culture, legitimacy, legislative power, statism, split in society.

Феномен политической культуры является достаточно важным моментом при оценке политических реалий современной России в аспекте проблем легитимации законодательной власти. Высокая значимость политической культуры в этом отношении обосновывается ее специфическим положением и той ролью, которую она играет в мире публичной политике. Собственно операциональным определением для понимания и описания феномена политической культуры может послужить следующее: «политическая культура – это некая система поведения и восприятия политических процессов, которая складывается исторически, бытует не только в сознании, но и подсознании и определяет не только поведение человека, но и оценку им тех или иных политических событий» [3, с. 30]. Политическая культура, не являясь по сути своей собственно политической или политическим процессом, является своеобразным посредником или матрицей, через которую индивид воспринимает и описывает окружающую его политическую действительность. Однако место и роль политической культуры в этом алгоритме являются достаточно дискуссионным вопросом – политическая культура, будучи своеобразным результатом деятельности индивида по освоению мира политики и механизмом накопления опыта о нем, в то же время оказывает непосредственное влияние на оценку и восприятие политических процессов, придает последним конкретный вектор, обуславливает создание и функционирование политических институтов.

Таким образом, создается специфическая самовоспроизводящаяся циклическая структура, описывающая взаимодействие культуры и общества. Будучи самостоятельной структурой, она в то же время является достаточно ригидной и консервативной, хотя и подвержена постепенным изменениям и преобразованиям

с течением времени. Таким образом, политическая культура, как набор специфических, относительно стабильных ориентаций и установок в отношении политической системы и ее различным частям, а так же установки по отношению к собственной роли в этой системе [7, р. 13], которые воспроизводятся с течением времени через механизмы социализации и воссоздается в сознании новых поколений. И, по всей видимости, мы можем говорить о существовании неких устойчивых «ориентаций на легитимность» в сознании индивида, существующих и функционирующих по тем же принципам, что и другие элементы политической культуры.

Благодаря политико-культурным исследованиям второй половины прошлого столетия были выявлены уникальные типы культур, описанные, по всей видимости, в соответствии с методом идеальной типизации М. Вебера и представляющие собой некие идеальные типы, наборы характеристик (специфических ориентаций), которые не существуют в действительности как обособленные типы, но зачастую пересекаются между собой в рамках конкретного сообщества и представляют собой некий органический сплав. Сочетание политико-культурного и цивилизационного подхода позволило исследователям соотнести конкретные сообщества (народа, нации, государства) с конкретным набором установок и ориентаций, оказывающий прямое и косвенное влияние на восприятие и реализацию различных политических концептов или моделей. И в этом отношении уникальный культурный код является первопричиной экзистенцией, определяющей принятие или непринятие политических концептов, например таких как демократия, или же вовсе наполнение их иным содержанием в соответствии с собственной культурной матрицей.

Большинство политико-культурных исследований в отношении «российского культурного кода», обладают ярко выраженной особенностью – они выстраиваются вокруг конфликтов в различных бинарных системах типа «коммуитаризм – индивидуализм», «этицизация – персонализация», «моральные нормы – кодифицированное право», «бюрократизм – клиентизм», «клерикальность – светскость» и т. д., во многом являющихся абсолютными противоположностями. Поэтому, не вдаваясь в детали, политическую культуру России можно охарактеризовать как некий синкретизм или глубоко интегрированную антиномию, порождающую двойные стандарты, характеризующуюся с одной стороны традиционными ценностями, а с другой – либеральными. И в этом отношении, история становления политической культуры России представляет собой борьбу двух крайностей. Большинство исследователей сходится во мнении, что именно традиционные ценности являются собственным культурным базисом, характерным для национального менталитета России, что во многом должно оправдывать политическую инфантильность и пассивность населения, а так же специфику распределения ресурса легитимности между различными политическими институтами. Мы считаем, что у заявленного тезиса имеются достаточно веские основания и предпосылки.

Помимо классических авторских типологий политической культуры, существуют более общие и фундаментальные, например, типология, в основе которой заложены специфические различия культур и ценностей цивилизаций Востока и Запада. Представленные типы культур – Восточный и Западный – являются в определенном смысле всеохватными и универсальными, в том отношении, что являются более обширными на фоне типологий, дифференцирующих политические культуры по таким локальным основаниям, как принадлежность к определенной субкультуре, социальному классу, возрастной группе, географическому региону. На принадлежность к одному из типов культуры даже серьезные политические изменения и потрясения оказывают минимальное влияние. И исторический и политический опыт России в этом отношении весьма показателен.

Исторически российская политическая культура воспитывалась в традициях восточного типа, что во многом обусловлено ее преемственностью культурного кода Византийской и Монгольской империи. В более поздние этапы политическая культура начинает воспроизводить саму себя, что формирует длительную национальную традицию, которая, однако, не лишена разрывов – наиболее серьезными из них оказываются реформы Петра I и распад СССР, где, в результате первого в российскую культуру начинают активно проникать элементы Западной политической культуры, а в результате второй – формируется вакуум ценностей – аномия, заполняемый новыми. При всем этом, даже советская политическая культура продолжает в значительной степени воспроизводить дореволюционное наследие в аспекте политической культуры – унифицированность политического поведения и сознания, жесткость контроля со стороны государства, идеологизация мировоззрения.

Собственно ключевыми особенностями Восточного типа политической культуры являются: коммуни-

таризм (коллективизм); примат государства над индивидом; отчуждение рядовых обывателей от политики; приоритет морального авторитета перед правовым регулированием и указаний перед инструкциями; силовое решение конфликтов; централизованная (вертикальная) модель управления; патернализм и авторитаризм.

Соответственно, Западный тип в бинарной системе отношений может быть рассмотрен как условный «антагонист» и представлен диаметрально противоположными ценностями. Иными словами, названные ценности и механизмы взаимодействия общества и власти формируют органически несовместимые, противоположные политические культуры, основания которой в абсолютном измерении крайне устойчивы. По мнению Фариды Захари, антагонизм этих культур не преодолим. Так, например, рассуждая о потенциальной возможности внедрения демократических институтов и механизмов политического участия населения в ряде мусульманских странах, он приходит к выводу, что в ходе максимально демократичных выборов к власти с большей вероятностью придут националисты и экстремисты, нежели «умеренные мусульмане», готовые к сотрудничеству с Западом [9, р. 124 – 125]. Подобный исход недостижим в силу некомплементарности двух культурных кодов, передающихся если не генетическими, то социальными механизмами. Не менее интересен и показателен в отношении российской политической действительности политический опыт Индии пост-колониального периода. Политическое наследие в виде парламентаризма, что, по сути дела, было навязано Британским колониализмом, по-прежнему уступает национальным стереотипам и восточному менталитету. Поэтому в ходе парламентской борьбы или предвыборных кампаний ведущую роль играет авторитет местной аристократии и глав религиозных общин, а не партийные программы, в то время как парламентаризм в Индии испытывает серьезный кризис легитимности.

Таким образом, преобладание ценностей восточного типа политической культуры России в течении столь длительного времени действительно может способствовать, одной стороны, выработке определенным ориентаций на легитимность тех или иных политических институтов или политического процесса, с другой – формированию определенного типа личности. По мнению Н. А. Баранова, вследствие специфических особенностей политической культуры России, таких как патерналистские и этатистские настроения, а так же сакрализация власти и разрастание клиентских отношений на местах, приводит к формированию синдрома «тоталитарной личности», имеющей двусторонние установки на подчинение подавление в системе иерархических отношений, описанного в трудах Э. Фромма [1, с. 239]. Именно эта тенденция способствует отчуждению и подавлению личности в политике и редуцирует понимание политической власти до конкретного лидера, превращая институциональный дизайн государства в иерархию лидеров, на вершине которой устанавливается верховный патерн – лидер-отец (Иван IV – «Царь-Батюшка», Сталин – «Отец народов» и т. д.). На этом фоне коллегиальные органы государственного управления, не смотря на коллективистский характер национального менталитета, оказываются чуждыми сложившейся системе политических ориентаций и сте-

реотипов, что в объективистской трактовке полностью лишает российский парламентаризм ресурса легитимности. Причина тому – символическая (культурная) принадлежность концепции парламентаризма к кардинально противоположной культурно-исторической тенденции, импортированной извне в эпоху Петровской Руси.

Большинство исследователей указывают на промежуточное положение России между Востоком и Западом, Азией и Европой, что, по всей видимости, не может не оказывать влияние на кросс-культурные связи. Десоциализация политической власти в Европе XIII – XIV веков приводит к смене теоцентрической картины мира на антропоцентрическую, в результате чего в центр мира становится сам человек, а вместе с ним идеи индивидуализма, свободы, прав и плюрализма. Довольно скоро Западная культура приходит к осознанию необходимости каким-то образом защищать и представлять свои права, что в дальнейшем находит выражение в формировании сперва сословно-представительных монархий, а позже и самого парламентаризма. Таким образом, парламентаризм, не смотря на собственно коллегияльную (коллективную природу), является порождением частных интересов.

Экстраполяция Европейского опыта на России Петром I, привела к формированию новой тенденции – утилитаризма, благодаря которой в политике становится возможна личность. Однако даже периодическое возобладание личностного начала в политике России имело неминуемо катастрофический характер (Восстание Декабристов, Убийство Александра II народолюбцами, Революция 1917 г., распад СССР), что в свою очередь находило свое отражение в очередных пакетах контрреформ и все более усугубляющемся конфликте двух тенденций, постепенно выходящих за рамки культурных противоречий и проникающих в области межклассовой или экономической борьбы. Описывая закономерности развития российского общества, А. Ахиезер приходит к выводу, что общество, расколотое на 2 антагонистических лагеря, не может развиваться иным путем, кроме как за счет осуществления маятниковых колебаний между крайними полюсами, поочередно актуализируя каждый из них [4, с. 20]. Историософия А. Ахиезера описывает исторический путь России в хронологии 3 ключевых этапов, которые условно можно обозначить как «досоветский», «советский» и «постсоветский». И суть этого пути есть движение от традиционного типа нравственности, характерного для доиндустриально царской России, через советскую «промежуточную цивилизацию», представляющую собой синкретизм традиционной нравственности и либерализма в его утилитарном проявлении, к современной России, которая расставляет приоритеты в пользу собственно либеральных ценностей. В рамках представленной гипотезы достаточно просто помещается концепция противостояния Восточной традиционной и Западной либеральной культур в рамках российской политической культуры, не смотря на тот факт, то, по мнению автора, подобный подход скорее ближе к эволюционизму, чем конфликтологии.

Следуя логике А. Ахиезера, дополним концепцию маятника истории. Инверсионный цикл предполагает вполне определённую последовательность этапов: на начальном этапе происходит установление определен-

ного социокультурного типа, а вместе с этим специфического набора ориентаций на легитимность политических институтов, что представляет собой одну из допустимых крайностей в рассматриваемой системе бинарных отношений. После этого следует поступательное движение в сторону, противоположной крайности через прохождение условной «медальной точки» – срединного положения, сочетающего в себе специфические особенности обеих крайностей. После ее достижения происходит поступательный откат и возвращение на исходную позицию, и завершение инверсионного цикла. Подобная схема не допускает существования дополнительных альтернатив развития системы, равно как и разрешения конфликта.

В связи с этим мы предлагаем внести дополнение в концепцию, обозначив ее как модернизационный инверсионный цикл. Суть дополнения заключается в придании динамики не только самому маятнику, но и его основанию. Исторический опыт России позволяет утверждать нам, что борьба традиционных и либеральных ценностей с течением времени все более ужесточается, однако разрешения конфликта не происходит. Вместо этого происходит его временное купирование или подавление, при этом время господства традиционных ценностей над либеральными, постепенно сокращается с точки зрения временной компоненты, и последние постепенно добиваются приоритета. Условная схема позволяет объяснить причины этого: с течением времени основание маятника постепенно перемещается от «полюса традиционализма» в сторону «полюса либерализма», что в итоге дает возможность самому маятнику оставаться в зоне последнего в течение более продолжительного периода времени и «захватывать» все больше либеральных ценностей.

Данная концепция не претендует однако на универсализм, и хотя и предлагает новый взгляд на проблему социокультурных конфликтов, тем не менее не является уникальной с точки зрения вектора динамики социокультурных типов по линии «традиционализм – либерализм». Так, например, Ф. Фукуяма, указывая на фундаментальный характер процессов последней четверти XX века, говорит символическом «конце истории», а точнее победе либеральных ценностей и идей в виду отсутствия каких-либо жизнеспособных альтернатив [6, с. 84 – 85]. Однако заявления о неизбежности окончательной победы либерализма в мире вряд ли можно назвать безапелляционными – в своих научных изысканиях он во многом сближается с идеями К. Маркса, утверждавшего детерминизм социокультурного развития экономическими процессами, которые целенаправленно двигают историю в сторону коммунизма, способного разрешить антагонистичные проблемы эксплуататоров и эксплуатируемых классов. Так или иначе, Ф. Фукуяма, с одной стороны, в своих взглядах на предмет истории как диалектического процесса, имеющего свое начало и конец, подобно К. Марксу близится к утопизму. Но, как показывает история, идеи коммунистической утопии уже успели потерпеть поражение, что порождает вполне обоснованную критику идей Ф. Фукуямы. С другой стороны, его идеи во много близки к концепциям политической модернизации, и именно к либеральному течению, признающих универсализм истории и указывающих на второстепенную роль специфики культурных кодов различных

сообществ. Предложенная нами концепция модернизационных инверсионных циклов позволяет, таким образом, сохранить и описать такие особенности социокультурной динамики, как: сочетание элементов различных культур в рамках одного сообщества; идеи поступательной политической модернизации с учетом культурных особенностей; теория инверсионных циклов.

Популярная в 80-е годы концепция политической модернизации в обход *modernity* (С. Хантингтон, А. Абдель-Малек, Ш. Эйзенштадт, А. Турен, и др.) в постсоветской России, вступившей в новую эпоху под лозунгами Демократии и Либерализма, так же подверглась переосмыслению и своеобразной инверсии, в результате приобретая *modernity* в обход модернизации. Тенденции демократического авангардизма, изменившие вектор политической модернизации в России, теперь направлены не на сохранение социокультурных традиций и собственной идентичности, а на слепое копирование западного опыта, демократических институций. С приходом актуализируются идеи парламентаризма, однако, несмотря на широкое (не поступающее) внедрение либеральных ценностей в «пост-синкретичном» обществе, уровень легитимности законодательной власти остается катастрофически низким и за последние годы продолжает демонстрировать устойчивую тенденцию на снижение.

Хуан Линц в работе «*Totalitarian and Authoritarian Regimes*» описывает механизмы легитимации политической власти в различных политических режимах. Так, например, при демократических режимах власть легитимируется через принципы свободы и равенства, а так же реализованного народного суверенитета. Авторитарные режимы в свою очередь легитимируются через менталитеты, а тоталитарные – через догматические закрытые мировоззрения [8, р. 54]. Отказавшись от идеологической модели легитимации, Россия по-прежнему остается в плену авторитарных тенденций, что проявляется именно в механизмах легитимации, завязанных на ментальности населения. Такое противоречие – становление либеральных ценностей при сохранении авторитарных тенденций – становится возможным во многом благодаря тому, что, замещение или трансформация политической культуры есть процесс длительный и зависит от многих переменных. По мнению Э. Баталова, в качестве таких переменных можно выделить следующие: динамика смены поколений; характер политической социализации молодежных групп; направления и темпы развития новых экономических и политических отношений в стране; целенаправленное формирования политической культуры [2, с. 7].

Ключевая роль здесь отводится именно специфике динамики смены поколений – конфликт двух тенденций наиболее остро проявляется между «поколением Советов» и «поколением Новой России», по существу являющихся людьми совершенно разных формаций. И если первые не принимают парламентаризм по мировоззренческим позициям, то вторых вполне обоснованно не устраивает Парламент с точки зрения неэффективности института и его функций в системе, несоответствия ожиданиям избирателей и современным тенденциям, либо они и вовсе политикой не интересуются.

Так или иначе, в борьбе за ресурс легитимности с политико-технологической точки зрения наиболее перспективной группой, несомненно, являются вторая – представители либерально ориентированный в аксиологическом аспекте молодежь. Разрыв между двумя формациями в конечном счете не преодолим. Но в то же время молодое поколение уже сегодня институционализируется в каналы социализации будущих граждан. Проблема в том, что парламентаризм сегодня не отвечает новым требованиям и запросам, идущим из социума, равно как и вызовам времени (технологический прогресс, интернетизация). Государственная власть постепенно теряет влияние на умы людей из-за перехода младшей части аудитории на новые источники получения информации и отказа от просмотра ТВ в пользу Интернет и социальных сетей. Во много благодаря Интернету происходит глобализация сознания молодежи и приобретение либеральных (зачастую именно прозападных) ориентаций. Однако ключевая проблема молодежи в «сети» – отсутствие навыков селекции и дифференциации широкого многообразия источников информации. В связи с этим многое воспринимается на веру. Поэтому ключевым вопросом при продвижении идей парламентаризма в среде молодежи становится не только борьба за виртуальное пространство, но и такие вещи, как сетевая публичность и электронная демократия как средства информирования, контроля, коммуникации, а так же краудсорсинга, электронных голосований и т. д.

Другой не менее важно проблемой является широкое распространение индифферентных политических взглядов в среде молодежи. Причины подобного явления видятся в проблемах с самоидентификацией молодежи по идеологическому спектру. Вопрос об осознании собственного места в политическом универсуме находится в непосредственной зависимости от уже неоднократно упомянутой идеологической химеричности действующего российского Парламента. Отсутствие как либеральных, так и демократических ориентиров в работе партии ЛДПР, постепенная «окапитализация» коммунистической партии, двойные «либерально-консервативные» стандарты партии «Единая Россия» приводит к появлению «лага», вследствие которого молодежь не может соотнести действующий политический бренд (партию) и идеологию. Расхождение слова и дела, в конечном счете, отталкивает нынешнюю молодежь от участия в политическом процессе, а более 90 % молодежи, по данным исследований, проведенных «Лабораторией Крыштановской», считает, что сегодня нет партии, которая выражает их интересы [5]. Следует отметить, что большинство информации о политической ситуации в стране молодежь получает через СМИ, которые формируют определенную политическую повестку дня, дают примитивные алгоритмы и модели для ее анализа, что возможно, способствует повышению информативности населения, но не способствует формированию собственной позиции, аналитических навыков, мотивации на участие в политическом процессе, что невозможно без широкого внедрения политического образования.

Таким образом, политическая культура и легитимность находятся в тесной связи, политическая культура – основание и причина легитимации или делегитимации того или иного вида политического господства.

Соответственно, и модели легитимации определяются не формами политического господства, не распределением власти в мире политического, а типом политической культуры, господствующей в том или ином обществе. Каждой политической системе, каждой форме политического господства способствует особая модель легитимности. В каждой конкретной стране она прояв-

ляется в специфических национальных формах. Специфика легитимности определяется политической культурой того или иного народа. Именно к ценностям и установкам политической культуры апеллирует государство в поисках поддержки своей политики. Именно в политической культуре необходимо искать опору того или иного режима.

Литература

1. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2009. С. 345.
2. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 5 – 12.
3. Галкин А. А. Академическая политология // Политическая наука. 2001. № 1. С. 23 – 35.
4. Матвеева С. Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 18 – 34.
5. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Интернет-журнал «Гептер». 18.04.2013. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/8369>
6. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 83 – 96.
7. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 10 – 18.
8. Linz J. J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000. 123 p.
9. Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. W. W. Norton & Company, 2003. 234 p.

Информация об авторе:

Ивлев Сергей Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университет), КемТИПП, ivlev-sv@mail.ru.

Sergey V. Ivlev – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Politology, Kemerovo Institute of Food Science and Technology (University).

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.